
Лидия Шнейдер

СМЕРТЬ КАК РИТУАЛЬНОЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ*

Похороны и их ритуальное значение

В похоронных церемониях самое важное место занимают, по мнению А. Геннепа, обряды отделения, обряды промежуточные (траурные) и обряды включения (усопшего в мир мертвых, живых людей — в сообщество живых) [1]. Из всех похоронных обрядов наиболее разработаны обряды включения, совершаемые ради приобщения умершего к миру мертвых: именно им придается самое большое значение.

Похоронные обряды изменяются в зависимости от этнической принадлежности, возраста, пола, социального положения человека. Кроме того, похоронные обряды усложняются в связи с тем, что у одного народа может быть множество различных и даже противоречивых представлений о загробном мире.

Промежуточные
обряды

Траур — промежуточное состояние для тех, кто остается в живых, в которое они входят благодаря обрядам отделения и из которого они выходят благодаря обрядам реинтеграции в общество в целом. В период траура живые и умерший составляют особое сообщество, которое находится между миром живых, с одной стороны, и миром мертвых — с другой. Обычно вдовец или вдова дольше всех принадлежат к этому особому миру, из которого они выходят, совершив соответствующие обряды. Обряды снятия всяких запретов и всех атрибутов траура (например, одежды) А. Геннеп рассматривает как обряды частичной или полной реинтегра-

---

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2002. № 4. С. 83—99.

ции в общественную жизнь. Эта реинтеграция подобна той, которую проходит всякий новообращенный, возвращаясь в свою социальную группу.

Промежуточный период в похоронных обрядах выражается в достаточно продолжительном нахождении трупа или гроба в помещении, где протекает ночное бдение (Михайловский Н.М.). Кроме того, постлиминарный период иногда распадается на множество этапов в форме поминовения: восемь дней, две недели, месяц, срок дней, год и т.д.

В похоронных обрядах выделяются предварительные, промежуточные и окончательные стадии, когда умерший достигает своего последнего пристанища. Северные остяки помещают страну мертвых за устьем Оби, в Северном Ледовитом океане. Она освещается лишь лунным светом. Недалеко от этого места расходятся три дороги, которые ведут к трем входам: один предназначен для убиенных, утопленников, самоубийц, другой — для иных грешников и третий — для тех, кто жил обычной жизнью. Для иртышских остяков иной мир — это небо; это восхитительная страна, куда поднимаются по лестницам или карабкаются по цепи, по которой боги, сакральные медведи и мертвые иногда спускаются на землю.

Согласно распространенному представлению, загробный мир подобен нашему, общество там организовано так же, как и здесь. Так что каждый умерший оказывается включенным в род, возрастной класс, имеет профессию и т.д., как это было на земле.

Обряды перехода

Путешествие в другой мир и вход в него сопровождаются серией обрядов перехода, различающихся деталями в зависимости от расстояния и месторасположения иного мира. По поверьям умершему предстоит совершить путешествие, и живые заботятся о том, чтобы снабдить его всеми необходимыми предметами, как материальными (одеждой, пищей, оружием, инструментами), так и магически-религиозными (амулетами, опознавательными знаками, паролями и т. д.), которые обеспечат ему благополучное продвижение вперед или переправу в иной мир, а затем и прием в него. Именно поэтому лопари стремились убить на могиле оленя, чтобы умерший мог совершить на нем трудное путешествие, прежде чем достигнет своего конечного места пребывания. Во Франции умершего снабжали самой большой серебряной монетой, для того «чтобы его получше приняли в ином мире». У славян деньги предназначены для оплаты затрат на путешествие, а японские буддисты считают, что их надо дать старухе, которая пропускает через реку Сандзэ, отделяющую потусторонний мир; бадага платят деньги, чтобы пройти по нити мертвых.

Обряды, совершаемые с целью соединить покойника с умершими ранее членами рода и снабдить всем, что ему необходимо на пути в

иной мир и для пребывания там, являются одновременно профилактическими анимистическими (вынос через отверстие в стене дома, гроб, склеп и прочее должны мешать возвращению умершего) и профилактическими контагиозными (траур, омовение и т.д.).

Те умершие, по поводу смерти которых не были выполнены похоронные обряды, так же, как и дети (некрещеные, не получившие имени и не прошедшие инициацию), обречены на жалкое существование. Они никогда не смогут проникнуть в мир мертвых и включиться в сообщество, которое там сложилось.

Обряды воскрешения
и перевоплощения

Обряды перехода встречаются в обрядах воскрешения и перевоплощения. Душа, отделенная от живых и приобщенная к миру мертвых, может затем перемещаться в обратном направлении и появиться среди живых либо сама по себе, либо по принуждению. Механизм этого очень простой: достаточно, чтобы душа поместилась в женщину и вновь появилась в образе новорожденного ребенка. Пример этого «вечного возвращения» дают церемонии лушей в Ассаме. Умерший одет в свои лучшие одежды и привязан в сидячем положении к подмосткам из бамбука; рядом кладут необходимую утварь и оружие; убивают свинью, козу, собаку, мясо которых делят между собой родственники, друзья и соседи, умершему также дают питье и еду. С наступлением вечера умершего кладут в могилу, вырытую рядом с домом; самый близкий из его родственников прощается с ним и просит его приготовить все необходимое для тех, кто присоединится к нему позже. Далее душа, одетая и снабженная всем необходимым, в сопровождении душ свиньи, козы и собаки, без которых она не нашла бы дорогу, отправляется в страну мертвых. Через какое-то время душа покидает потусторонний мир и возвращается на землю в виде шершня, который превращается в воду, затем испаряется, становясь росой, и, если капля росы падает на мужчину, он дает зачатие ребенку, который станет воплощением умершего. Когда ребенок рождается, мать сама совершает омовение и моет ребенка. Первые семь дней душа ребенка цепляется, как птица, за одежду родителей; они стараются, как можно меньше двигаться и ублажают домашних богов жертвоприношениями. Затем следуют всякого рода церемонии, во время одной из которых самый близкий родственник с материнской стороны дает ребенку имя, т.е. окончательно включает его в состав рода.

Также существуют представления, что души умерших перевоплощаются непосредственно в тотемы — животных, растения и т.д. В этом случае совершаются обряды включения умершего в тотемический род.

Среди обрядов отделения выделяются различные приемы вынесения тела покойного из дома; сжигание орудий труда, самого дома,

ценностей и имущества умершего; умерщвление его жен и рабов, любимых животных; омовение, натирание и другие обряды, обобщенно называемые очистительными; всякого рода табу. Кроме того, имеют место вещественные приемы отделения: могила, гроб, кладбище, ограда, груда камней и т.д.; ритуальные сооружения или строятся заново, или используются уже существующие. Закрывание гроба или засыпание могилы — самая торжественная часть, завершающая обряд.

Ритуалы

Похоронные обряды являются ритуальным действием и исполняют роль психологического регуляторного механизма. В ритуале абсолютно четко соотносятся действие и смысл, который собственно и обеспечивает органическую включенность условного ритуального действия (похоронного в том числе) в конкретный жизненный процесс.

Ритуальное действие наполнено магическим ощущением подлинности. Оно и переживается по-иному, создавая иное эмоциональное поле субъекта. Вероятно, поэтому общество узурпирует ритуал. Внутри ритуал полон смысла. Как отмечает Л.Т. Ретюнских, он есть внутреннее бытие чувства [2]. Природа составляет биологическое основание жизни, ритуал же вносит качественную определенность в жизнь человека.

Ритуал, понимаемый как комплекс повторяющихся, закрепленных архетипических действий (телодвижений и звуков), согласно идее М. Элиаде, есть попытка возврата в момент генезиса Бытия, в сакральное время [3]. Каждый человек может иметь собственную интерпретацию момента генезиса, т.е. собственный набор ритуальных действий; важно, что, исполняя их искренне, с полной самоотдачей, отрешаясь от жизни, человек выходит из временного потока в настоящее. Ритуал есть такое состояние бытия, в котором нет привычных понятий движения (как последовательности событий), времени (как фона, на котором меняются события), пространства (как набора всевозможных траекторий движения). Непременным условием существования ритуала М. Элиаде считал его постоянное повторение: сознание входит в Сакральное Настоящее и выходит из него в профанное время. Важен именно сам момент перехода, поскольку в сакральном времени сознания как рефлексии на Я-образе еще нет, а в обычном состоянии оно уже полностью отождествлено с ним. И только момент входа-выхода позволяет ощутить себя как ступок осознания, оставаясь еще свободным от своего Я-образа. Исполняя ритуал с полной самоотдачей, человек своим восприятием входит в те пласты психики (во внутреннее), где этот архетип существует — а для понимания воспринимаемого ему необходим какой-то способ толкования, первичный миф, разворачивающий

и утверждающий систему необходимых понятий, предикатов и их соотношений. Таким образом, понимая культуру как результат способа толкования некой группы символов, можно сказать, что ритуал — это способ восприятия-и-толкования базовых символов культуры, осуществляемый посредством поведенческих действий.

Возникновение культовых похоронных ритуалов закрепляло формы воздействия на людей, которые позволяли более эффективно создавать у них восприимчивое состояние сознания, управлять их памятью и вниманием, направленно воспитывать полезные для коллективной жизни личные качества. Ритуалы способствовали преднастройке, регулировали соответствующее поведение. Ритуалы как средства овладения психикой составляли важную часть самого образа жизни. Критика и перестройка любого образа жизни, его внедрение должны предполагать, в частности, и соответствующий новый психорегулятивный компонент, то есть эффективные внутренние средства саморегуляции и самоорганизации.

Психологическое и социальное значение ритуала

Ритуализация в поведении имеет значение для «Я» всех участников. Ритуалы и символы, правила поведения и приветствия — это то, чему необходимо хранить верность, нечто незабываемое. Любая перемена может быть расценена окружающими вовсе не как позитивная эволюция, но как предательство общих интересов.

Ритуал, кроме формального, навязанного значения, имеет и более глубокий смысл. В суете и бездне бытия надежным способом удержания себя от распада выступает ритуал, совершаемый искренне, достойно и некомментируемо. Именно ритуал, который является действенным способом практического проживания предлагаемого индивидуального мифа, сбивает и удерживает во круг исполнителя его экзистенциальную метрику — ритуал, вытекающий из самого исполнителя, но который задается извне и оформляется, становясь невербальной составляющей будущей индивидуальной аксиоматической базы человека.

Ритуал — воплощенное в конкретном действе концентрированное отражение обычаев и традиций, возникающее в переломные, значимые для личности и общности моменты социогенеза. В общем виде, ритуал — специфический вид деятельности индивида, заключающейся в том, что в специально организованном пространстве в специально отведенное время он моделирует желаемую реальность через креативное воспроизведение формулы целостного действия, сложившегося в ходе филогенеза, актуализирует такой способ отражения реалий окружающего мира в сознании, при котором субъект отражения, действующий в ситуации «здесь и сейчас», наполняет собственным смыслом устойчивые (выработанные человечеством) образы и формулы [4]. По сути дела, ритуал

есть творческое и каждый раз уникальное присвоение и усвоение индивидом некой общечеловеческой нормы.

Сам по себе ритуал перевода человека из одного качества в другое с полным присвоением ответственности за свое новое состояние просто необходим. В измененной форме ритуал продолжает существовать, и мы все участвуем в нем, когда отмечаем то или иное событие (свадьба, получение диплома, победа в конкурсах). Таким образом, в глубинных слоях психики сохранилось представление о необходимости соблюдения ритуала. Но имеет ли ритуал, как пишет Э. Берн [5], только социальную, «внешнюю» необходимость, является ли он только лишь подменой непосредственного живого общения? В ряде случаев — да. Но, на наш взгляд, ритуал — это необходимая для существования субъекта целенаправленно структурированная организация времени и пространства, в котором бы могло произойти «сверхбыстрое развитие» личности.

С точки зрения «социального» структурирования времени обряд также необходим. В целом же мы предполагаем, что именно «неотыгранность» того или иного события (в частности, смерти), той или иной значимой ситуации ведет к появлению внутриличностных конфликтов, невротических состояний и даже может грозить кризисами и утратой идентичности. Ритуал дает возможность глубоко прочувствовать: «То, что происходит, происходит сейчас, здесь и со мной».

Ритуал как межпоко-
ленная трансляция
опыта человечества

В ритуализации, затрагивающей проблему передачи опыта человечества из поколения к поколению и функций этого опыта в социально-типическом поведении личности, предстает реальный факт существования класса надсознательных надиндивидуальных явлений (Асмолов А.Г.) [6]. Надсознательные явления имеют социальное происхождение. В их основе лежит объективно существующая и являющаяся продуктом совместной деятельности человечества система значений, опредмеченных в той или иной культуре в виде различных схем поведения, социальных норм и т.п.

В своей глубокой скорби человек всегда старался остановить время, увековечить память об умершем. Это стремление, порожденное любовью и страданием, ищет выход и выражение. Потрясающие музыкальные реквиемы, поэтические эпитафии, прекрасные живописные портреты создавались в трагические дни жизни творцов.

Появление надгробий, созданных для увековечения памяти людей, исторически связано с возникновением могильников, обособленных от поселений. Комплекс таких погребений относится к среднему каменному веку — мезолиту, который существовал около 10—15 тысяч лет до нашей эры. Примечательно, что человек, создавая еще совсем примитивные орудия труда, уже задумывался не только о хлебе насущном, о проблемах своего земного существ-

---

вованя, но и о вопросах куда более возвышенных, продиктованных чувствами долга и любви к своим предкам, к тем, кто ушел из жизни. И это был очень важный момент в развитии цивилизации, в становлении человеческого самосознания.

Психологическая и социальная роль траура

Уход тайнств рождения и смерти из обычной жизни

Современным людям свойственно сторониться всего, что связано со смертью. Сегодня большинство рождается и умирает не под крышей родного дома, а в больницах. Передоверив себя медицинским учреждениям, человек получил иллюзорное освобождение от проблем, великое таинство смерти стало в основном тягостной обязанностью, о собственной смерти не принято рассуждать. Оберегают подрастающее поколение от раздумий о смерти, не говорят о ней и в зрелом возрасте, втихомолку провожают своих родных и близких в последний путь.

Когда-то по улицам городов следовали похоронные процессии, богато украшенный катафалк сопровождала торжественная музыка духовых оркестров, а сейчас даже траурные ленты — и те исчезли с бортов автобусов-катафалков.

Табуирование понятий «смерть» и «кладбище»

Впрочем, людям всегда было свойственно избегать разговоров о смерти, и даже само слово «умереть» в повседневной речи старались заменить какими-либо другими, более смягченными выражениями: «отправиться в лучший мир», «приказать долго жить», «протянуть ноги». Аналогичные языковые табу имелись и в других языках: в английском «to take the ferry» (сесть на паром), в немецком «die Augen schliessen» (закрыть глаза); в итальянском «ritornare al nulla» (вернуться к нулю); в испанском «irse al otro potrero» (отправиться на другое пастбище); во французском «casser sa pipe» (сломать свою трубку). Также старались не произносить слово «кладбище». Вместо этого слова употребляли понятие «место упокоения», в английском: «Божье поле», в немецком «святое место», в испанском «маленькая ферма», во французском «удлиненный бульвар».

Отказ от траура

Сегодня в отношении траура семья принимает правила поведения, которые ждет от нее общество. Общество навязывает близким усопшего отказаться от траура. Различают три типа поведения людей, потерявших кого-либо из близких. Одним удается полностью утаить свою скорбь. Другие прячут ее от посторонних, но хранят ее в себе. Третьи свободно проявляют на людях.

Человек, понесший утрату, обязан вести себя так, словно ничего не произошло. Он просто продолжает жить своей обычной жизнью: «занимайте себя», говорят ему торопливо врач, священник, кто-либо из друзей. Человек почти ничего не показывает на людях, а

траур соблюдает у себя дома, «словно приходя, раздеваясь и садясь отдохнуть». Эту модель поведения, несомненно, больше всего одобряет общественное мнение: требуя от человека скрывать свои чувства, общество, тем не менее, догадывается, что надо позволить ему излить душу при условии, что это происходит, скрыто, за стенами дома.

Человек, упорствующий в своем изъятии скорби, исключается из общества, как безумец.

Вполне очевидно, что отказ от траура вызван не легкомыслием или безразличием близких усопшего, но неумолимым давлением общества. Со стороны общества это способ устранить присутствие смерти в жизни, даже если в принципе реальность смерти не оспаривается. Впервые отрицание смерти, отклонение её проявляется столь открыто. Такое отношение к смерти становится отныне значимым признаком нашей культуры. Слезы траура уподобляются выделениям плоти, сопутствующим тяжелой болезни. То и другое внушает отвращение. Общество исключает, изгоняет смерть.

Воцаряется убеждение, что публичное изъятие скорби, а также слишком настойчивое и долгое выражение горя утраты в частной сфере есть нечто болезненное. Приступ слез считается нервным припадком. Скорбь есть болезнь. Проявлять ее — значит проявлять слабохарактерность. Период траура — это больше не время молчания человека, понесшего утрату, посреди хлопотливого нескромного окружения. Это период молчания самого окружения: в доме, где недавно кто-то умер, не звонит телефон, избегают люди. Человек в трауре изолирован, он как бы в карантине, словно зараженный больной.

Опасность отказа от траура

Примечательно, что в тот же самый момент, когда такое отношение к смерти, скорби и трауру заявило о себе, психологи оценили его как опасное и ненормальное. Вплоть до наших дней они продолжают настаивать на необходимости траура и опасности отказа от него. Правда, все это происходит за рубежом. З. Фрейд приложил немало сил, чтобы показать, что скорбь и меланхолия — не одно и то же [7]. В американской психологии известна оценка траура и его психологической роли, противоположная той оценке, которую дает ему общество. Общество считает проявление скорби болезненным, в то время как для психологов болезненным является именно вынужденный отказ от траура, имеющий опасные последствия для человеческой психики. Сами того, не желая, психологи сделали свой анализ траура документом истории, свидетельством того, как исторически относительно все научные истины. Специалисты исходят из того, что смерть дорогого существа наносит глубокую рану, которая, однако, исцеляется естественным

образом, если не затягивать это исцеление. Человек, понесший тяжелую утрату, должен свыкнуться с отсутствием «другого», подавить свое влечение, еще сосредоточенное на умершем, как на живом, «интериоризовать» покойного.

Задача общества — помочь индивиду пройти эти последовательные этапы исцеления, ибо в себе самом он не находит достаточно сил для этого. То, что смерть всегда причиняет самым близким умершего сильнейшую травму, такую, что залечить ее можно, лишь пройдя все указанные этапы, психологи представляют как естественный факт человеческой природы, нечто от века ей свойственное. Требования зарубежных психологов больше всего соответствует траур, каким он был в XIX веке, хотя он грешил чрезмерной театральностью. В XIX веке траур сохранял свою социальную роль, становясь вместе с тем во все большей мере способом выражения огромного личного или семейного горя. Траур в его социальном аспекте давал окружающим возможность разделить горе и поддержать человека, понесшего утрату. Смерть «другого» не раздавливала человека, однако траур был ритуализированный. Траур был своего рода заклинанием смерти, чтоб она не возвращалась. Траур выражал тревогу всего сообщества, которое посетила смерть и которое она осквернила и ослабила, вырвав одного из членов. Посещая человека в трауре, окружающие тем самым утверждали единство группы, воссоздавали человеческое тепло праздничных дней.

Привязанность к «другому» продолжается и в наши дни, даже если выражаться это чувство стало более сдержанно и скромно. Одновременно общество не выносит больше вида всего, что имеет отношение к смерти: ни зрелища мертвого тела, ни вида плачущих близких. Человек, скорбящий об умершем, раздавлен тяжестью собственного горя и запрета, который общество накладывает на траур. Последствия этого драматичны.

Таким образом, в современном обществе наблюдается тенденция к вытеснению смерти из коллективного сознания, общество ведет себя так, будто вообще никто не умирает и смерть индивида не пробивает никакой бреши в структуре общества. В наиболее индустриализованных странах кончина человека обставлена так, что она становится делом только одних врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом. В нашей стране также практически утерян ритуальный опыт многих поколений, утрачены этические нормативы.

Древнее латинское изречение «memento mori» должно занять подобающее место в жизни каждого человека. Давно пора разрушить искусственный примитивный оптимизм и негласно внедрившееся «табу смерти». Французский мыслитель Ф. Монтень

советовал, лишить смерть ее загадочности, присмотреться к ней, приручиться к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. Подготовленному человеку смерть представляется естественным финалом жизненного пути, а не безысходным крахом. Изучение установок в отношении смерти может пролить свет на установки людей и в отношении к жизни и основным ее ценностям.

Смерть как профессиональное

В нашем обществе долгое время старались вытравить всякий намек на то, что человек умирает. Сам *факт* смерти и *идея* смерти как бы выводились за скобки научных интересов.

В отечественной науке тема смерти оказалась обойденной потому, что ее изучение и обсуждение требует метафизического напряжения. А господство научной методологии с ее принципом объективности исключало возможность достойно рассуждать на эту тему. Смерть в нашей культуре воспринималась как нечто, о чем не стоит рассуждать.

Тема смерти в
психологии

Психологи до последнего времени практически не занимались этой проблемой. Раньше к умирающему приходил священник, сегодня никому в голову не придет позвать к тяжелобольному психолога или психотерапевта. У него хватает опасений и страхов и без напоминаний заботливого терапевта о неотвратимости смерти. Зачем концентрироваться на горькой и неизбежной реальности? Если цель терапии — вселить надежду, то зачем обращать мысли к смерти, которая сокрушает всякую надежду? Терапия направлена на то, чтобы помочь человеку научиться жить. Почему бы не оставить смерть умирающим? Как видим, эти мотивы избегания темы смерти выглядят весьма благородными.

Смерть как факт
жизни

Тем не менее, смерть — это то, что занимает умы людей постоянно. Невозможно оставить смерть умирающим. Биологическая граница между жизнью и смертью относительно четка, но психологически они переходят друг в друга. Смерть — это факт жизни, а не просто последний момент жизни. Практически каждый большой мыслитель думал и писал о смерти. Исключить эту тему из области научных интересов невозможно, т.к. отношение к смерти влияет на жизнь и психологическое развитие. Эта проблема некоторым образом проявляется в психотерапевтических подходах с точки зрения характерных для них представлений о смерти, с релевантными клиническими и научными свидетельствами и последующим рассмотрением вопроса о причинах тщательного из-

---

бегания традиционным психоанализом темы смерти, как в теории, так и в технике психотерапии.

В возрастной психологии мимолетно изучается развитие представления о смерти у детей, причем особое внимание уделяется индивидуальным защитным механизмам, направленным на избавление от тревоги, связанной со смертью. В связи с этим возникает парадигма психопатологии, основанная на этих отрицающих смерть защитах. В экзистенциальной психологии оформляется теория и разрабатываются практические приложения терапевтического подхода, построенного на сознании смерти.

Вопрос о преломлении смерти в контексте профессиональной деятельности

Далее мы хотим сконцентрироваться на эмпирическом исследовании личности людей, работающих со смертью. Т.е. наш научный интерес порожден не фактом смерти как таковым, а его преломлением в контексте профессиональной деятельности. Для реализации целей исследования выбраны две категории представителей определенных профессий: 1 — это люди, сами являющиеся источником смерти, их профессиональная деятельность связана с прерыванием жизни других; 2 — люди, сами не вызывающие смерть, но работающие с ее последствиями — умершими людьми, трупами. Эти виды профессиональной деятельности продолжают находиться вне рамок научной психологии, хотя число людей, задействованных в этих сферах многочисленно. Более того, это «вечные» профессии, существовавшие в том или ином виде во все исторические и политические эпохи. Еще один аспект актуальности исследования связан с тем, что профессиональное убийство или профессиональная работа с покойниками — это работа в ежедневных экстремальных условиях, что, безусловно, сказывается на личности специалистов.

Личностные особенности людей, работающих со смертью

Эмпирическое исследование

Цель эмпирического исследования — выявление личностных черт характера людей, работающих со смертью. В исследованиях принимали участие четыре группы людей, различающихся по профессии, но в силу особенностей своей деятельности имеющих дело в той или иной степени со смертью. *Объект* исследования — профессиональная деятельность, а *предмет* — психологические особенности работников выбранных групп профессий.

Особенности исследуемых профессий

Субъекты исследования:

- *1-я группа* — сотрудники службы «Ритуал-сервис», для которых смерть выступает как ритуальное действие.
- *2-я группа* — сотрудники Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области, среди них — патологоанатомы некоторых районов Московской области. Для них смерть — чисто материальное явление.

- *3-я группа* — сотрудники СОБРов, неоднократно участвовавшие в боевых действиях. Для них убийство и смерть противника, как правило, профессиональное действие.
- *4-я группа* — врачи-гинекологи, ежедневно выполняющие операции по прерыванию беременности хирургическим путем.

В обязанности сотрудников службы «Ритуал-сервис» входит:

- а) прием заказов от населения на организацию похорон, б) организация похорон и прочих ритуальных услуг, в) курирование, контроль и сопровождение похорон и прочее.

В обязанности судебно-медицинских экспертов входит:

- а) вскрытие трупов для установления причин смерти; б) выяснение причин и времени наступления смерти; в) выдача заключений для суда или по требованию родственников о причине смерти.

В обязанности сотрудников милиции входит деятельность, связанная с особыми условиями ее выполнения (экстремальная деятельность). В экстремальных условиях роль органов внутренних дел в обеспечении общественного спокойствия и безопасности значительно возрастает. В силу существующего общественного разделения сфер и средств правовой охраны основным субъектом защиты прав и свобод личности от противоправных посягательств в их наиболее опасных формах является сотрудник милиции.

Увеличение числа тяжких преступлений порождает увеличение числа случаев применения сотрудниками правоохранительных органов табельного огнестрельного оружия как для защиты граждан, так и в целях собственной безопасности в ситуациях, которые, по сути, являются экстремальными, будь то участие в боевых действиях в «горячих точках» страны или повседневная служебная деятельность.

Этот вид деятельности характерен для ОМОНа, СОБРов, подразделений специального назначения (спецназ). Общей является деятельность в экстремальных ситуациях, требующих крайнего напряжения психических и физических ресурсов в условиях противоборства, высокого уровня риска и относительного дефицита времени.

Служба в таких подразделениях органов внутренних дел требует от сотрудников большого напряжения и самоотдачи, связана с необходимостью противостоять преступности, имеющей самые разные формы проявления. Кроме того, эта работа сопряжена с соблюдением строгой иерархии, организационного построения и межличностного общения, дисциплины приближающейся к военной, повышенной социальной и профессиональной ответственностью и высокой степенью риска потери здоровья, а иногда и жизни.

В обязанности врачей, выполняющих прерывание беременности, входит:

- а) установление сроков беременности; б) выяснение показаний и противопоказаний к прерыванию беременности; в) выяснение причин нежелательности беременности и уточнение намерения ее прерывания; г) квалифицированное выполнение аборта.

Различия в специфике профессий

Проблема исследования: ежедневное столкновение специалистов с фактом смерти. Но существует одно очень большое различие в специфике этих профессий. Работники ритуальной службы ежедневно сталкиваются не только со смертью, но и с человеческим горем, со всем многообразием его проявлений, с материальной ответственностью. Они призваны также, или, скорее, вынуждены принять участие в утешении скорбящих близких, притом, не получая взамен никакой благодарности, являясь фактически почти «презираемыми» членами общества, так как немногие способны без некоторой брезгливости относиться к этой профессии, что можно отчасти объяснить тем «табу», которое накладывается как в тоталитарном, так и в демократическом обществе на все разговоры о теме смерти, о чем было упомянуто выше.

Работники судебно-медицинской экспертизы не сталкиваются с проявлениями человеческого горя, в круг непосредственных их обязанностей не входит общение с родственниками, с бюрократическими процедурами организации похорон, с материальными ценностями, а также с материальной ответственностью. Они работают только непосредственно с «живой смертью».

Сотрудники СОБРа сами являются исполнителями прекращения чьей-то жизни. Кроме того, они постоянно рискуют своей жизнью, в отличие от представителей трех других профессий. Они действуют по приказу. Смерть они видят в двойной оптике: как смерть-скорбь своих напарников и друзей, и смерть как убийство, ласкающее руку и глаз, при уничтожении преступника.

Врачи, ежедневно занимающиеся прерыванием беременности, по сути выполняют роль «незаметных тихих убийц». Они не стреляют и не взрывают, да и действуют не по приказу, они с согласия матерей неродившихся детей изо дня в день прерывают беременность женщины, препятствуя появлению на свет младенцев. Вместе с тем на них ложится огромная ответственность за жизнь таких матерей, за качественное и квалифицированное выполнение аборта, что требует высокого уровня профессионализма. С одной стороны сам факт их профессиональной медицинской деятельности, по меньшей мере не благовиден, с другой — чрезвычайно востребован и нередко хорошо оплачиваем (абортизация в России превышает общеевропейскую в 6–10 раз).

- Гипотеза исследования *Гипотеза исследования:* профессиональная деятельность работников СМБ (судебно-медицинского бюро), работников «Ритуал С», бойцов СОБРОВ, врачей медицинских абортариев представляет собой концентрацию психологических и физиологических стрессоров. Наиболее существенным показателем стрессового воздействия в профессиональной деятельности является психологическая деформация и состояние повышенной тревожности у работников выше названных служб, в совокупности оказывающих негативное воздействие на самооценку и оценку своей деятельности, а также искажающих адекватный образ Я.
- Выборка *Выборка.* Испытуемые: в первой группе (сотрудники похоронного бюро) 26 человек, из них 14 женщин и 12 мужчин, в возрасте от 27 до 40 лет; высшее образование разных профилей. Во второй группе (судмедэксперты и патологоанатомы) 26 человек, из них 13 женщин и 13 мужчин в возрасте от 28 до 53 лет; высшее медицинское образование. В третьей группе (сотрудники СОБРА, ОМОНа) 21 человек, мужчины от 21 года до 35 лет; различный уровень образования. В четвертой группе (врачи, специализирующиеся на абортах) 4 человека, женщины от 33 до 57 лет; высшее медицинское образование.
- Исследование проводилось в 2001–2002 гг. в г. Москве и г. Калининграде*.
- Методы исследования В исследовании применялись диагностические и аналитические методы, а также различные методы обработки и интерпретации результатов.
- Диагностический инструментарий:** методика цветových выборов Люшера, проективная техника [8] «4 персонажа», «6 незавершенных изображений», включенное наблюдение экспериментатора.
- Методика цветových выборов Люшера* использовалась однократно. Применялся краткий тест с восьмицветовым рядом. Испытуемому предлагалось выбрать из разложенных перед ним цветных карточек самый предпочтительный, не соотнося его ни с расцветкой одежды, ни с чем-либо другим, а только сообразуясь с тем, насколько этот цвет предпочитаем в сравнении с другими при данном цветовом выборе, в данный момент. Освещение было достаточно ярким. Выбранный цветовой эталон переворачивался цветом вниз. Экспериментатор при этом записывал номер каждого цветового эталона; запись велась слева направо.
- Каждый раз испытуемому предлагалось выбрать наиболее приятный цвет из оставшихся, пока все цвета не будут отобраны. Субъек-

---

* В проведении эмпирического исследования большую роль сыграли психолог Федерального научно-практического центра экспертизы и реабилитации инвалидов (ФЦЭРИ) Е. Кантор (г. Москва) и психолог Ж. Теллерман (г. Калининград).

тивное отношение испытуемого к выбранным цветам определялось и кодировалось следующим образом:

- «явное предпочтение» — 1-я пара;
- «предпочтение» — 2-я пара;
- «безразличие» — 3-я пара;
- «неприятие» — 4-я пара.

Некоторые результаты по методике цветowych выборов Люшера

Благодаря данной методике были получены результаты, по которым можно отметить, что, например, у работников СМБ выявляется неустойчивость трудности в социальной адаптации, эмоциональность и субъективность пристрастий. Нешаблонный подход к решению проблем, оригинальность мышления, богатое воображение; своеобразие интересов, суждений. Вместе с тем чувствительность к изменениям микроклимата в социуме, а также потребность в отдыхе и безопасности. Компенсация — бегство в мир иллюзий.

У работников «Ритуал С» отмечается потребность в эмоциональном комфорте, защите от внешних воздействий. Конформность установок, дружелюбие вдумчивый подход к решению проблем, аналитический склад ума. Замкнутость, деликатность в сфере межличностных отношений, потребность в самоуважении, к тому же потребность в сохранении личного реноме в глазах окружающих. Повышенная аккуратность, можно сказать — педантичность. Стремление к избежанию конфликтов, за счет повышенного самоконтроля.

Проективная методика «4 персонажа» (автор В.К. Лосева): испытуемым было предложено нарисовать себя в образах четырех персонажей — человека, животного, растения и неодушевленного предмета. После задавались вопросы: «Что это такое?» и «Что общего между Вами и этим персонажем?». Данная методика была средством ввода в определенные содержания самопрезентаций, к которым трудно подойти другим путем.

Краткая интерпретация основных типов рисунков строится в зависимости от ответов испытуемых, которые могут указывать:

1. Особенности личности, черты характера.
2. Пристрастия, интересы.
3. Психологическое состояние.
4. Описание ситуации, в которой человек оказался.

Варианты ответов по типу 1, 3 — результат обращения к самому себе, принятие личной ответственности за происходящее; а описания по типу 2, 4 смещают центр тяжести во внешний мир, на внешние объекты.

Кроме того, В.К. Лосевой выделено описание символических значений отдельных классов изображений. Рисунок животного выражает тему витальности, бессознательное отношение к сво-

ей телесности, аффективной сфере. Растение — отношение к своему развитию, к личностному росту, к возможности использовать свои ресурсы. Неодушевленный предмет — символ стабильности, предмет потребности. Рисунок человека интерпретируется традиционно, как и в обычных вариантах проективных методик.

Интерпретация результатов проективной методики «4 персонажа»

При интерпретации рисунков было выявлено, что у работников «Ритуал С» преобладают «полезные» животные, служащие источником питания: коровы, овечки, барашки и т.д. Таким образом они отождествляют себя с полезной ролью, стремление отдавать больше, чем получать, оставляя окружающих с чувством вины. Растения рисовались символически: береза, дуб, что трактуется как уход от проблем, закрытость. Очень часто рисунок объединялся, что указывает на рефлексивность и невротичность. В группе сотрудников СМБ животные на рисунках — кошки, собачки, незлобные и прирученные. Человек во многих случаях, и в первой и во второй группах, был нарисован наполовину, благодаря чему можно предположить отвержение какой-то части своей личности. В качестве неодушевленного предмета чаще всего был изображен простой деревенский дом.

Данные по результатам включенного наблюдения

Включенное наблюдение дало некоторую информацию: представители бюро похоронных услуг не имеют единой психологической характеристики, хотя их отличает высокая тревожность в связи с текущей работой и спецификой профессии. Интеллект с преобладанием вербального. Люди, выбравшие эту профессию, отличаются ответственностью, исполнительностью. Суеверны, но не религиозны. Упорны в достижении своих целей, амбициозны. В качестве профессиональной деформации можно рассматривать: эмоциональную нечувствительность рядом с чужим горем, некоторое пренебрежение к чужим переживаниям, ярко выражена материальная заинтересованность. Представители этой профессии достаточно жизнерадостные люди, но их радует, как они сами признались, хорошее вознаграждение за хорошо сделанную работу, т.е. материальный аспект.

У работников СМБ наблюдается высокий уровень интеллекта, эти люди достаточно хорошо и разносторонне образованы. Среди них встречается очень много потомственных экспертов. Представители этой профессии признались, что они люди достаточно жизнерадостные. Как они сами объяснили, «их жизнерадостность компенсаторна», т.е. «клиент — лежит, а я стою». Тревожности как таковой нет, но есть вполне конкретный страх за своих близких — их здоровье и жизнь. Страх, связанный с непосредственным столкновением с жертвами, с человеческой жестокостью. Испы-

---

туемым было предложено по шкале определить свое отношение к смерти вообще, к своей смерти в частности:

горячо ————— + ————— холодно

Почти все опрашиваемые определили свое отношение как равнодушное, так как представители этих профессий настроены философски, а иначе они не смогли бы хорошо выполнять свою работу. Слова Эпикура очень хорошо выражают отношение этих людей к смерти: «Смерть для нас — ничто: ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений. Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет». Таким образом, можно сделать заключение из исследования: люди, работающие в одной индустрии, имеют разные психологические характеристики. Объединяет их только общее философское отношение к смерти. Конечно, специфика работы накладывает определенный отпечаток на психологию человека, но определяющим фактором является внутренняя культура человека, заложенная до выбора этой профессии. Гипотеза подтверждается только в случае с работниками «Ритуал С».

Результаты исследования и работников СОБРа, и абортариев

В третьей (СОБР) и четвертой («Аборт») группах испытуемых проводились две методики: 1 — методика «4 персонажа» В.К. Лосевой; 2 — «6 незаконченных изображений» А.И. Лунькова. Последняя методика продуцирует бессознательное отношение человека к шести значимым темам человеческой жизни:

- Значимые другие для Вас.
- Я для значимых других.
- Внутреннее, целостное «Я».
- Семья, представление о Доме.
- Представление о карьере.
- Представление о Любви.

В группе испытуемых «СОБР» преобладают изображения опасных животных — тигр, лев, змея, пантера, т.е. люди оценивают свою витальность как непредсказуемую, символизирующую угрозу. И сами рисунки, и ответы по ним, кроме того, обнаруживают авторепрессивные тенденции. Человек на рисунках в преобладающем числе случаев — средневековый рыцарь с копьем, мечом, готовый вступить в бой и хорошо укрытый за доспехами. Доспехи прорисованы тщательно, детально. Есть изображение себя (мужчины) в образе женщины (два рисунка). Нет ни одного изображения человеческой фигуры в полный рост, во весь объем. Возможно, это отрицание какой-то части себя, личностные искажения. Растения — все сплошь могучие деревья с корнями. Два исключе-

ния — бордовая и красная (кровь!) розы (цвет подчеркнут испытуемыми). Неодушевленные предметы — часто нагромождение камней, одиночный камень, «пирамида в пустыне», танк, самолет. Среди шести изображений другие для меня — ковбой в маске, солдат в каске, подземный вход в тоннель. Я для других чаще всего появляется в виде «рюмки, которая всех объединяет, притягивает». Вот и обратная сторона профессиональной деформации, компенсация личностных искажений. Карьера продуцирует изображения «звезд на погонах», геометрических фигур (неопределенности). Самой сложной и недоступной темой оказалась шестая тема — любовь. Есть рисунок-изображение, где все шесть тем объединены вместе в одну композицию пустынной, гористой местности ночью, в свете Луны. В 30% всех рисунков — лицо человека с пустыми глазницами.

Таким образом, специфика профессии откладывает и в этом случае отпечаток на личность. Определяющим является в данном случае не внутренняя культура человека, а оптимистическое/пессимистическое отношение к перспективам своей дальнейшей жизни, к своему здоровью и сохранению жизни.

В группе испытуемых «Аборт» рисунков опасных и угрожающих животных нет: кошка, собаки. Образ домашних животных свидетельствует о желании приручить свою (а может, чужую?) витальность, телесность. Часто отождествляется с верностью и служением. В одном случае есть изображение женщины-козы. Фигура человека на рисунках также неполная, но адекватная возрасту и полу. В качестве неодушевленного предмета изображено кресло (!). Повышенной тревожности у данной категории испытуемых не обнаружено.

Выводы

В целом гипотеза исследования о том, что профессиональная деятельность работников СМБ (судебно-медицинского бюро), работников «Ритуал С», бойцов СОБРов, врачей медицинских абортариев представляет собой концентрацию психологических и физиологических стрессоров, нашла свое подтверждение. Наиболее существенным показателем стрессового воздействия в профессиональной деятельности является психологическая деформация и состояние повышенной тревожности у работников вышеназванных служб, в совокупности оказывающих негативное воздействие на самооценку и оценку своей деятельности, а также искажающих адекватный образ «Я». Значительное влияние оказывает внутренняя культура, приобретенная до начала профессиональной деятельности, перспективы дальнейшего профессионального служения, оптимистические жизненные установки. Наибольшие психологические и физиологические стрессы обнаружены в группе испытуемых СОБРа (смерть как чисто профессиональное) и службы «Ритуал С» (смерть как чи-

---

сто ритуальное), т.е. тех, кто собственно убивает, и тех, кто отправляет в последний путь. По-видимому, это связано с тем, что в прежние времена воинами в определенные моменты истории были все граждане общества, и это защищало от личностных деформаций, не было оснований для противопоставления. В похоронных обрядах раньше участвовало также все сообщество, выполняя при этом различные предписанные ритуалом действия. Сейчас этот процесс исключает основную часть общества от похоронных забот, а те лица, которые его исполняют, оказываются на периферии социального пространства и в изоляции. Группы испытуемых врачей (смерть как чисто материальное) являются более сохранными в психологическом, физиологическом и социальных планах. Сильным защитным и охранным механизмом, наверное, является профессия врача и особые профессиональные умения и навыки, которыми они обладают.

В заключение хотелось бы напомнить, что эти люди живут с нами, среди нас и ради нас. Можно отвергать факт смерти, можно избегать темы смерти, но люди описанных выше профессий лучше других знают, что она есть. И просто делают свое дело.

-
1. *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
  2. *Ретюнских Л.Т.* Игра как она есть, или Онтология игры. М.-Липецк, 1997.
  3. *Элиаде М.* Аспекты мифа: Пер. с фр. М., 1996.
  4. *Зыкова М.Н.* Психолого-педагогическое воздействие фольклора на личность учащегося: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Курск, 2002.
  5. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. М., 1997.
  6. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996. С. 382.
  7. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М., 1932.
  8. *Лосева В.К., Луньков А.И.* Рассмотрим проблему... Диагностика переживаний детей и взрослых по их речи и рисункам. М., 1995.

